

in the Cossack army was virtually identical to that due to the fact that the reform of the Cossack troops went on the model of the Don and Kuban troops. This system has been transformed at the beginning of the twentieth century. Fall elective responsibility, a manifestation of laziness and indifference of the Cossacks it was due to property, education and psychological disunity. Contemporaries noted that many members of the village office turn of the century were literate, prone to drunkenness and extortion. An increasing number of the Cossacks did not attend gatherings and did not pay the dues. But, despite this, the Cossack communities continued to live, to regulate agrarian relations, contributed to the development of health and education.

Keywords: Russian Cossacks; village self-government; public management of villages; everyday life; everyday life of the Cossacks; Village chieftain; Village descent; Village court; Cossack community.

УДК 94(47).08

РЕАЛИЗАЦИЯ ТЮРЕМНОЙ РЕФОРМЫ 1890-Х ГГ. В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

© 2016

С.В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России
Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург (Россия)

Аннотация. В статье дан анализ процесса реализации в Оренбургской губернии закона 1890 года об учреждении новых региональных структур пенитенциарного управления – губернской тюремной инспекции и тюремного отделения губернского правления. Рассматриваются специфика реализации тюремной реформы в крае, отношение губернаторской власти к появлению новых бюрократических структур, особенности взаимодействия между созданными органами управления, а также определяется место, занятое представителями тюремной администрации в региональном бюрократическом сообществе после реализации реформы. Сделан вывод о том, что реализация закона 1890 года в Оренбургской губернии проходила с существенными региональными особенностями. Создание Оренбургской губернской инспекции было оформлено позже (в 1894 году), чем по империи в целом, в связи с затянувшейся реализацией судебной реформы 1864 года на территории края. Однако эта инспекция стала значительно более влиятельнее, чем подобные учреждения в других регионах империи, поскольку фактически подчинила себе тюремное отделение Оренбургского губернского правления и аккумулировала все основные компетенции в сфере тюремного дела. Статус Оренбургского губернского тюремного инспектора по ряду признаков был равен статусу вице-губернатора.

Ключевые слова: пореформенная Россия; российская государственность; губернская тюремная инспекция; тюремное отделение губернского правления; Оренбургский край; эффективность; модернизация; тюремная реформа; тюремный инспектор; бюрократическое сообщество; губернаторская власть.

За последние десятилетия многие стороны жизни позднеимперской России подверглись углубленному изучению отечественными и зарубежными учеными, одновременно явившись, как образно выразились Д. Симс и Э. Джадж, «оспариваемым ландшафтом» [1, с. 10–11]. На этом фоне требуется изучение роли местной бюрократии в разворачивающихся модернизационных процессах середины XIX – начала XX вв. Исследование данной проблематики целесообразно проводить на губернском уровне. Сошлемся здесь на крупного историка и теоретика исторической науки Л. Хефнера, по мнению которого «особенно перспективным представляется исследование в обозримых региональных рамках ...», поскольку «такая территориально ограниченная аналитическая модель в конечном счете способна дать более материала для построения макромоделей», ведь в «территориальных образованиях существовали феномены, которые ввиду отсутствия межрегиональных форм и сетей коммуникации не были представлены в национальном масштабе или присутствовали только в рудиментарном виде» [2, с. 50–51].

В качестве предмета анализа избран процесс реализации в Оренбургской губернии закона 1890 года об учреждении новых региональных структур пенитенциарного управления. В центре внимания находятся вопросы специфики реализации тюремной реформы в крае, отношения высшей местной власти к появлению новых бюрократических структур, вы-

страивания взаимодействия между новыми элементами системы пенитенциарного управления, а также определение места, занятого представителями тюремной администрации в региональном бюрократическом сообществе после реализации реформы.

Одной из важнейших причин изменений в тюремной политике во второй половине XIX века была неэффективность системы пенитенциарного управления. Широко известен главный шаг, предпринятый реформаторами для исправления сложившейся ситуации «многовластия»: учреждение в 1879 году в составе МВД Главного тюремного управления – единого координационного центра в сфере пенитенциарной деятельности на общеимперском уровне. Собственно, именно после этого нововведения и возникло выражение «тюремная реформа 1879 года» – самая поздняя из «Великих реформ».

Сосредоточение функций управления пенитенциарной системой в столице повлекло за собой необходимость проведения соответствующих изменений и на местном уровне. Следующим шагом в данном направлении и стало издание закона от 21 марта 1890 года [3]. Им были учреждены губернские тюремные инспекции во главе с губернскими тюремными инспекторами. Они были созданы не повсеместно – собственно, ни одна из т.н. «Великих реформ» в сфере управления (судебная, земская, городская) не распространялась на всю империю. В этом случае в период вплоть до 1895 года эти инспекции появились в 24

губерниях, а затем с 1909 г. – еще в 14: до 1895 г. включительно – Виленская, Киевская, Пермская, Саратовская, Харьковская, Екатеринославская, Казанская, Московская, Херсонская, Воронежская, Лифляндская, Оренбургская, Самарская, Уфимская, Ковенская, Костромская, Полтавская, Черниговская, Ярославская, Владимирская, Вятская, Гродненская, Курская губернии; с 1909 г. – Орловская, Пензенская, Санкт-Петербургская, Смоленская, Астраханская, Бессарабская, Витебская, Вологодская, Волынская, Могилевская, Нижегородская, Подольская, Таврическая и Тамбовская губернии. Выбор первоочередных губерний определялся, видимо, насыщенностью местами заключения.

Таким образом, Оренбургская губерния попала в число, выражаясь современным языком, «пилотных» регионов. Вместе с тем, это произошло не в 1890-м, а только в 1894 году. Сам факт появления этих должностных лиц в регионе (в XIX веке новая структура появилась только в 24 губерниях из более чем сотни губерний и областей Российской империи) свидетельствовал о том, что пенитенциарные учреждения Оренбургской губернии рассматривались правительством как один из ключевых элементов пенитенциарной системы всего Российского государства.

Тот факт, что закон 1890 года был реализован на Южном Урале только спустя четыре года, на наш взгляд, был связан с региональными особенностями «внутренней окраины» – отсутствием здесь реформированной системы судебных учреждений. Оренбургский окружной суд был учрежден только во второй половине 1893 года и начал функционировать с 1894 года [4]. С учетом этого становятся понятными причины отсутствия тюремной инспекции до 1894 года – два эти управленческих решения были увязаны друг с другом.

Первого июля 1894 г. в Оренбургской губернии была учреждена тюремная инспекция. За месяц до этого события о принятом решении было сообщено оренбургскому губернатору Владимиру Ивановичу Ершову (1892–1899). Министр внутренних дел И.П. Дурново предложил ему к моменту открытия инспекции в Оренбурге сделать все зависящие распоряжения об образовании в Оренбургском губернском правлении «...особого тюремного отделения в составе губернского тюремного инспектора, его помощника, секретаря при инспекторе и канцелярии, составляемой из делопроизводителей и его помощников, которые до применения нового узаконения занимались делопроизводством по тюремной части» [5, л. 1]. Это означало, что МВД с самого начала привязывало деятельность Оренбургской тюремной инспекции к работе традиционного органа управления губернией – губернского правления, поскольку предусматривало, что весь документооборот инспекции будет обеспечиваться (а вместе с тем и контролироваться) канцелярией губернского правления.

По закону 1890 года тюремное отделение под руководством тюремного инспектора наделялось большими правами на ведение вопросами пенитенциарной системы региона: «В тюремном отделении губернского правления должна сосредоточиваться переписка по всем вообще делам губернии, касающимся тюремно-арестантской части, пересылке арестан-

тов и по использованию судебных приговоров... Вся переписка по предметам этой части должна исходить только из тюремного отделения. Поэтому в тюремном отделении должны производиться все дела, касающиеся:

а) личного состава управления и надзора в местах заключения, как то определение, увольнение, производство жалования, представление к награждению, предание суду и вообще прохождение службы;

б) порядка содержания арестантов в местах заключения;

в) производство арестованными работ;

г) заготовление одежды для ссыльных и пересыльных и для содержащихся в местах заключения;

д) заведывание тюремными замками;

е) переписка по распоряжению всеми ассигнуемыми по смете тюремного ведомства кредитами» [6, л. 8].

Однако пореформенная эпоха для Оренбургского края была буквально пронизана идеей борьбы с «многовластием». Дело в том, что во 2-й половине XIX века Оренбургский край был настоящим, как выразился японский исследователь К. Мацузато, «опытным полигоном» [7, с. 429]. К началу 1860-х гг. XIX века его территория была не только чрезвычайно велика (1730 тыс. кв. миль с населением в 4,2 млн. человек), но также она была разорвана между министерствами; две гражданских губернии под юрисдикцией МВД, земли двух казачьих и Башкиро-Мещеряцкого войска под юрисдикцией военного министерства, территории Внутренней Орды и оренбургских Киргизов под юрисдикцией министерства государственных имуществ и иностранных дел соответственно. Поэтому одной из важнейших целей всех реформ для Оренбургского края было «преодоление разъединенности властей». Однако если в отношении Уфимской губернии, входившей в состав края, это было сделано (она была трансформирована в обычную гражданскую губернию с новыми судебными и земскими структурами), то Оренбургская губерния такого же статуса не получила. Исторический контекст эпохи «Великих реформ» применительно к Оренбургской губернии заключался в нереализованности на ее территории целого ряда преобразований, с успехом прошедших в других губерниях Урало-Поволжья. Управленческая специфика Оренбургской губернии, вызванная политическим решением правительства о консервации ее социокультурных особенностей, предопределила особое внимание и особую заинтересованность оренбургских властей ко всем столичным инициативам, могущим изменить эту ситуацию.

Это настроение ярко проявилось и при создании тюремного отделения Оренбургского губернского правления. Оно выразилось в том, что Оренбургский гражданский губернатор Владимир Иванович Ершов в целях создания централизованной системы пенитенциарного управления в подведомственной ему губернии с самого начала пошел на увеличение полномочий создаваемого отделения, даже по сравнению с министерским распоряжением. Он изъял из ведения собственной, губернаторской канцелярии, а также из ведения губернского распорядительного комитета и передал в ведение тюремного отделения всю переписку по надзору за находящимися в губернии ме-

стами предварительного заключения, а также по предметам, касающимся устройства этих помещений и наблюдение за состоянием и оборотами наличности назначенных на их устройство и содержание соответствующих зданий.

Расценивать этот факт как попытку В.И. Ершова «сбросить» с себя какую-то ответственность невозможно, поскольку речь шла о передаче полномочий к местному чиновнику, а не к представителю какого-то надгубернского образования типа Оренбургского и Самарского управления государственных имуществ и т.п. В рамках Оренбургской губернии, кто бы из подчиненных не занимался тюремными вопросами, в конечном итоге ответственность перед центром за общую ситуацию нес «начальник губернии» – гражданский губернатор. Если же рассматривать ситуацию с точки зрения контроля над основными рычагами управления губернией, то приходится признать, что губернатор, вопреки всем бюрократическим «играм», сам способствовал появлению в губернии нового влиятельного «центра силы» в лице тюремного инспектора. Так что, по всей видимости, решение В.И. Ершова о сосредоточении в тюремном отделении Оренбургского губернского правления дополнительных функций было обусловлено исключительно заботой о налаживании эффективного управления пенитенциарной системой региона на основе единоначалия: в конечном счете, он как губернатор не мог не быть заинтересован в решении этого вопроса. Оренбургская губерния была единственной из всех губерний империи (насколько мы можем судить из изученного опубликованного и архивного материала), в которой в ведении тюремного отделения сосредоточились все вопросы, курируемые по линии Главного тюремного управления.

Возникает вопрос: а что же представляла из себя губернская тюремная инспекция, если все делопроизводство тюремного инспектора обеспечивалось губернским правлением? Этот вопрос в науке не является решенным. На наш взгляд, его можно решить, если проанализировать подведомственность должностного состава этих двух организаций. Ведь с 1895 г. и Главное тюремное управление, и все губернские тюремные инспекции, в том числе Оренбургская, была переведены в ведомство министерства юстиции. Тюремное же отделение Оренбургского губернского правления продолжало находиться в ведении МВД.

Изучение архивных документов позволяет сделать вывод о том, что конкретный состав Оренбургской губернской тюремной инспекции включал трех человек: губернский тюремный инспектор, помощник губернского тюремного инспектора, секретарь губернского тюремного инспектора. Именно эти чиновники были переведены в ведомство министерства юстиции, тогда как остальные сотрудники тюремного отделения (делопроизводители, их помощники и т.п.) остались в ведении МВД. Три вышеперечисленных должностных лица и составили Оренбургскую губернскую тюремную инспекцию в узком смысле этого слова, то есть без тюремного отделения губернского правления (хотя, повторюсь, его продолжал возглавлять Оренбургский губернский тюремный инспектор).

Архивные документы позволяют выделить и основную функцию Оренбургской губернской тюрем-

ной инспекции – к ней относилась обязанность регулярных ревизий и проверок мест заключения региона. Ведомственный документ определял, что членам инспекции «необходимо... возможно ближе наблюдать за всеми местами заключения губерний и для сего объезжать таковые не менее одного раза в год, не считая, конечно, случаев экстренной надобности в посещении той или иной тюрьмы, а также не считая тюрем губернского города, в которых инспектор или его помощник должны быть, по крайней мере, еженедельно» [8, л. 6]. Отсюда, собственно, и название всего учреждения – Инспекция.

Кстати, обратим внимание на то, что понятие «инспекция» по законам того времени отличалось от понятия «ревизия», было более широким. Разница заключалась в том, что при объездах тюрем члены инспекции были обязаны не только установить наличие в тюрьме того или другого нарушения порядка, но и позаботиться в своем же присутствии об исправлении недостатков, если, конечно, эти изменения не требовали санкции более высокого начальства. То есть результатом инспекции становилось оперативное устранение множества недочетов в работе тюрем [9, с. 105].

Сразу отметим, что, признавая положительный эффект от улучшений организационного характера, мы понимаем, что они не гарантировали ни от коррупции, ни от произвола властей. Архивные документы фиксируют и факты формального отношения обновленного пенитенциарного начальства к своим инспекторским обязанностям. Приведем только один пример. Так, посещая Челябинскую тюрьму, оренбургский губернский тюремный инспектор выслушал жалобу заключенного И. Пензина на надзирателя, который, по его словам, не отдал ему денежную передачу от родственника. В тот же день, после отъезда инспектора, жалоба была отозвана. Спешность и мотивы отзыва жалобы должны были заинтересовать губернское правление, но никакой реакции от его чиновников не последовало.

Таким образом, новые структуры пенитенциарного управления, возникшие в регионе в 1894 году в результате реализации тюремной реформы 1879 года, имели сложноорганизованный характер. Вместе с тем, можно констатировать, что в Оренбургской губернии на практике не существовало организационного разделения между двумя возникшими структурами – тюремной инспекцией и тюремным отделением. Обе они фактически составляли единое целое. Это было обеспечено не только за счет того, что по закону губернский тюремный инспектор являлся руководителем обеих структур, но и за счет принятых на местном уровне губернатором В.И. Ершовым решений о передаче в ведение губернского тюремного инспектора дополнительных полномочий в области тюремного дела.

Общая численность служащих Оренбургской инспекции (включая сотрудников тюремного отделения губернского правления) составляла 17 человек, из них 10 – рядовые канцелярские чиновники. Оставшиеся семь человек представляли руководящий состав: губернский тюремный инспектор, помощник тюремного инспектора, секретарь при тюремном инспекторе, старший делопроизводитель, делопроизводитель, два

помощника делопроизводителя. На их содержание, за исключением тюремного инспектора, выделялось 3283 руб. 98 коп. в год. На содержание тюремного инспектора выделялось 1800 рублей в год, что делало его с точки зрения жалования фигурой, равной советнику губернского правления (все другие главы отделений губернского правления получали менее 1800 руб. в год: например, губернский инженер – 1400 руб., губернский ветеринарный инспектор – 1500 руб.). В литературе можно встретить мнение, что оклад губернского тюремного инспектора в данный период составлял 2500 руб. в год [10, с. 12]. Однако это неверно: данный оклад был установлен губернским тюремным инспекторам только по закону от 23 марта 1912 года, когда прибавку к жалованию получили все чины губернской администрации, в том числе и советники губернских правлений стали получать не 1800 руб., а 2500 руб. в год.

Источники позволили выявить персональный состав основных должностных лиц Оренбургской тюремной инспекции. На сегодняшний день в исторической науке нет исследований, посвященных персональному составу руководства тюремными отделениями. Однако проведено исследование руководящего состава уральских губернских правлений, в том числе и Оренбургского, которое не коснулось губернских тюремных инспекторов по причине того, что они не были подведомственны МВД [11, с. 158–186]. Источники показали, что более пятнадцати лет бессменным руководителем данного специализированного органа являлся коллежский советник (впоследствии дослужился до действительного статского советника) Александр Карлович Адеркас – Оренбургский губернский тюремный инспектор с момента учреждения тюремной инспекции в Оренбурге в 1894 г. и вплоть до выхода на пенсию в 1910 г. В библиотеке Государственного архива Российской Федерации нами был выявлен его формулярный список, который позволил реконструировать основные вехи его биографии.

Родился Александр Карлович 5 мая 1854 года в немецкой дворянской семье. Был лютеранином. Закончив знаменитое на всю страну Училище Правоведения, поступил в 1877 году на службу по ведомству МВД. Имел опыт работы в тюремных комитетах губерний центральной России, а также в центральном аппарате Департамента полиции исполнительной МВД. Опыта работы в Южно-Уральском регионе не имел (введение «варяга» в состав оренбургской губернской администрации могло иметь целью создать некие гарантии от развития кумовства и коррупции). В 40-летнем возрасте (это считался молодой возраст по понятиям бюрократической элиты того времени, но для руководства губернских правлений Уральского региона исследуемого периода он был типичен: более половины из его числа находилось в возрасте 35–40 лет) получил назначение на пост Оренбургского губернского тюремного инспектора. Имел ряд наград за «беспорочную службу»: орден Св. Владимира 3 и 4 степени, Св. Станислава 2 и 3 степени, Св. Анны 3 степени, а также серебряную медаль в память царствования императора Александра III [12, с. 38]. Таким образом, оренбургская пенитенциарная система находилась под управлением опытного, в то же время достаточно молодого в момент назначения чи-

новника, чье юридическое образование давало возможность профессионально отслеживать соблюдение законности в тюремной сфере. Обращает на себя также внимание «долгожительство» А.К. Адеркаса на посту оренбургского губернского тюремного инспектора. Его коллеги – главы других отделений Оренбургского губернского правления – менялись гораздо чаще: так, за тот же период в Оренбургской губернии сменилось 3 советника, 4 губернских инженера, 3 губернских ветеринара. Это сделало А.К. Адеркаса уже к началу XX века одним из наиболее опытных и влиятельных членов оренбургской губернской администрации.

Главное тюремное управление рассматривало именно губернскую тюремную инспекцию в качестве основного руководящего звена в системе управления местами заключения. По мнению начальника ГТУ в 1896–1900 гг. А.П. Саломона: «...Эти обстоятельства побуждают с особой тщательностью относиться к выбору лиц, назначаемых на должности губернской инспекции. Помимо нравственных качеств от этих лиц следует требовать: знание законоположений, относящихся по тюремной части, достаточного опыта в делопроизводстве, знакомства с внутренними тюремными порядками и с тюремным хозяйством» [13, с. 115]. На наш взгляд, руководящий состав Оренбургской губернской тюремной инспекции отвечал этим высоким требованиям. Кроме того, на протяжении всего исследуемого периода он представлял собой практически неизменяемую величину, что выделяло его по сравнению с руководством других губернских учреждений, в том числе и «высшего в губернии места» – Оренбургского губернского правления.

Таким образом, реализация закона 1890 года в Оренбургской губернии проходила с существенными региональными особенностями. Создание Оренбургской губернской инспекции было оформлено не с 1890 г., как в целом по империи, а только с 1894 г., в связи с затянувшейся реализацией судебной реформы 1864 года на территории края. Однако эта Инспекция благодаря местным инициативам губернатора В.И. Ершова стала влиятельнее, чем подобные учреждения в других регионах империи, поскольку с опорой на созданное тюремное отделение Оренбургского губернского правления аккумулировала все основные компетенции в сфере тюремного дела, став подлинным общегубернским органом управления. Статус Оренбургского губернского тюремного инспектора по определенным признакам был равен статусу вице-губернатора, а его служебная биография делала его человеком с независимым мнением и высокой репутацией. Региональное бюрократическое сообщество в условиях модернизации государственного аппарата позднеимперской России проявило себя не только пассивным объектом, но и активным субъектом реформирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Modernization and Revolutions. Dilemmas of Progress in Late Imperial Russia. Ed. By E.H. Judge, J.Y. Simms, jr. New York: Itacka, 1992. 192 p.
2. Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: Наука, 2007. 490 с.
3. ПСЗ-З. Т. 10. Отделение 1. 1890. № 6653.

4. Указ от 9 марта 1892 гг. «О введении судебной реформы в полном объеме в губерниях Оренбургской и Уфимской», ст. 3 // ПСЗ-3. Т. 12. № 43017.

5. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 11. Оп. 5. Д. 57.

6. ГАОО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 63.

7. Мацузато К. Управляя пространством // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии / под ред. А.Е. Загребина, С.В. Любичанковского. Екатеринбург-Ижевск: Изд-во УрО РАН, 2010. 496 с.

8. ГАОО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 58.

9. Сборник узаконений и. распоряжений по тюремной части / сост. Т.М. Лопато. Пермь: Губ. типография, 1903. 120 с.

10. Пирогов П.П. Пенитенциарная политика Российской империи XIX – начала XX века и ее влияние на принципы комплектования, штатной расстановки и прохождения службы в тюремном ведомстве // История государства и права. 2003. № 3. С. 9–13.

11. Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в поздней имперской России (на материалах Урала, 1892–1914) / Поволжский филиал Института российской истории РАН. Самара-Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007. 750 с.

12. Министерство юстиции. Список чинов тюремного ведомства. СПб.: Право, 1908. 1421 с.

13. Соломон А.П. Тюремное дело в России. СПб.: Право, 1898. 168 с.

1890TH PRISON REFORM IMPLEMENTATION IN THE ORENBURG GOVERNORATE

© 2016

S.V. Lyubichankovskiy, doctor of historical sciences, professor, head of the Chair of History of Russia
Orenburg State Pedagogical University, Orenburg (Russia)

Abstract. This paper is about an implementation process of the 1890 law in the Orenburg province for organization of new regional structures of penitentiary management – provincial prison inspection and prison department of provincial board. Specifics of prison reform implementation in the region, the relation of the governor's power to emergence of new bureaucratic structures, features of interaction between the created governing bodies are considered as well as the place taken by representatives of prison administration in regional bureaucratic community after the reform implementation is determined. The conclusion is drawn that implementation of the 1890 law took place in the Orenburg province with essential regional features. Orenburg provincial inspection has been created later (1894) than in the Russian Empire in general because of prolonged implementation of judicial reform (1864) on the territory of the region. However this inspection became more influential than similar organizations in other regions of the Russian Empire as it has subordinated the prison department of the Orenburg provincial board and accumulated all main competences of the sphere of prison case. The status of the Orenburg provincial prison inspector was almost equal to the status of the vice-governor.

Keywords: post-reform Russia; Russian statehood; provincial prison inspection; prison office of provincial board; Orenburg region; efficiency; modernization; prison reform; prison inspector; bureaucratic community; governor's power.

УДК 9(с)2 (470.56):34С1(470.56) М56

ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

© 2016

А.В. Мещеряков, педагог дополнительного образования
Центр детского творчества Промышленного района г. Оренбурга, Оренбург (Россия)

Аннотация. В данной статье рассмотрены особенности модернизационного развития Оренбургского казачьего войска на рубеже XIX–XX вв. В ходе рассмотрения данной проблемы выделены основные проблемы, которые влияли на модернизацию в войске. К ним относилось тяжелое экономическое положение, вследствие чего возникали проблемы с медицинским обеспечением. Другая важная проблема, рассмотренная в статье – это вопрос о введении земства. Рассмотрен важнейший вопрос о передачи земли в вечное пользование казачьим войскам, право, которое подтвердило особое положение казаков в системе государственного управления, но еще раз подтвердило традиционность в модернизационном развитии. Исследование подтвердило, что Оренбургское казачье войско на рубеже веков, было четко включено в структуру государственного управления, причем органы управления казачьих войск считались правительственными учреждениями. Казачество реформировалось согласно общей идее модернизационных процессов, проходивших в Российской империи. Однако применялись они не по шаблону, а имело свою специфику. Вызвано это было несколькими причинами: особой системой управления, ролью казачества внутри империи, традиционным укладом жизни казаков. Поэтому каждая реформа имела свои особенности, а некоторые так и не были реализованы, что перед самым началом Первой мировой войны и отличало казачьи регионы от остальной части империи.

Ключевые слова: модернизационный подход; Оренбургское казачье войско; Оренбургская губерния; общий войсковой капитал; главное управление казачьих войск; система управления; военный совет; военное министерство; Государственный совет; земство; генерал-губернатор; наказной атаман.